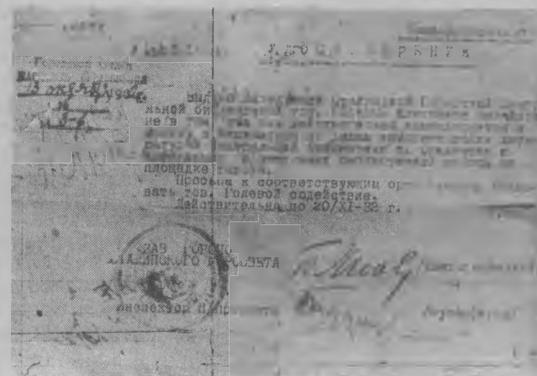

Первая реликвия

Кажется, в этом здании хотя бы однажды побывал каждый горожанин. Известное в городе учреждение — центральная библиотека имени Н. В. Гоголя — в этом году отмечает свое шестидесятилетие. Она — ровесница Кузнецкого металлургического комбината. А много ли мы знаем о ее истории?

Заместитель директора библиотеки Тамара Федорова Федорова предложила мне ознакомиться с «одной рукописью», которую в библиотеке, как уникальную «семейную реликвию», хранят в сейфе. Она принесла тетрадку с пожелтевшими от времени листами. «Вот, — сказала она, — если у нас когда-нибудь будет музей, то этот дневник станет его первым экспонатом». Я начала читать и уже не могла оторваться.

...Шестьдесят лет назад начал возводиться Кузнецкий металлургический комбинат. Его строительная площадка была местом, где не только работали, но и жили люди. 75 тысяч кузнецкостроителей. Поэтому не случайно, что вскоре во времянке был отведен угол для шкафа с книгами.

Первым пропагандистом литературы среди рабочих-строителей стал энтузиаст своего дела, горячо любивший книгу, некий «старичок Анелин» (так и не смогли установить его имени-отчества). Книжки для Кузнецкостроя приходили из разных городов страны. И уже к концу 1929 года книжный фонд превысил 10 тысяч экземпляров, а число читателей перевалило за тысячу. Весной 1931 года на Кузнецкострой по комсомольским путевкам были направлены для работы в библиотеке две комсомолки: Соня Цитрина и Нина Мелкишева.

Летом этого же года под библиотеку выделили комнату в бараке на Нижней

колонии, ныне улица Серго Орджоникидзе.

В 1932 году заведующей библиотекой назначили Елизавету Михайловну Голеву. Росло число читателей. Ими были в основном рабочие с тремя-шестью классами образования.

Библиотека находилась в неблагоустроенном помещении. Зимой там замерзали чернила. Вскоре библиотеке выделили еще одну комнату. В ней поставили три стола и открыли читальный зал.

«22/XII-1932 г. В горкоме ВЛКСМ делала доклад о состоянии детской библиотеки».

Детская библиотека размещалась в красном уголке одного из барачков, где по вечерам проходили танцы.

«7/II-1933 г. С утра ходила в Араличево за углем. Это километров шесть. Мороз. И все напрасно. Читальню из-за морозов закрыли. Все греется в одной комнате. На абонементе работают в шубах и перчатках».

«27/IV-1933 г. Заканчиваем раздел с постройком. До сих пор нет помещения для детской библиотеки. Кто бы знал, в каких ужасных условиях мы работаем! Мне некуда поставить для себя стол».

И вновь она до часу ночи работает в саду металлургов на устройстве выставки ко Дню конституции. На совещании председателей домовых комитетов ставит вопрос о сборе книг для колхозной библиотеки...

Этот дневник подарил цен-

тральной библиотеке, где долгое время проработала Елизавета Михайловна, ее сын, Сергей Александрович Голев.

Ценен дневник не только тем, что в нем есть какие-то сведения о библиотеке, истории ее становления, но и тем, что на его страницах чувствуется «дыхание» того времени. Дневник — своеобразный документ эпохи.

Люди в те годы тянутся к знаниям. Елизавета Михайловна отмечает, что в деревне все труднее удерживать молодежь: она рвется в город на учебу. Как-то директор библиотеки объявила конкурс на замещение вакантной должности библиотекаря, и к ней стали приезжать из деревень даже неграмотные, едва научившиеся читать по слогам, в надежде, что рядом с грамотной «библиотекаршей», в окружении книг их образование завершится.

Елизавета Михайловна радуется той активности, с какой в Болотном районе пытаются организовать хоть одно «культурное дело». А вернее, организовать книгоношу, чтобы те разносили книги по землянкам. Ее радует и тот интерес, который проявляют к ней простые деревенские женщины, когда она приезжает к ним с «передвижкой» на «культстан», чтобы провести, как она пишет, с ними читку. «Особенно им понравился «Тупейный художник» Лескова. Женщины попросили эту книгу оставить в бригаде».

Библиотекарш Елизавета Голева чувствует себя на переднем крае борьбы. Набрала книг, она ходит по близлежащим деревням. Шагать иногда приходится по двадцать пять километров. Путь этот не совсем безопасен, иногда встречаются волки. Но ничего не страшило храбрую молодую женщину, одержимую своей деятельностью, — нести свет знающим людям.

«12/V-1935 г. Захватив книги, пошли в полеводческую бригаду № 2 колхоза «Новый путь»... Написали несколько лозунгов, выпустили стенгазету. Вышло довольно красочно».

Утром встреча в деревенской библиотеке. Расположилась она в двухэтажном здании с выбитыми стеклами. Маленькая комнатка. Один шкаф. Внизу находился зрительный зал — крохотный, на 50 человек. Бедно, грязно. «Холодище в нем стоял адский. Весь день топили печку, с одного бока жжет, с другого зябнет. К тому же из окон дует».

«13/V-1935 г. К вечеру выехали в новый колхоз, но по пути заблудились. Было часов 12 ночи, хорошо ночью в поле. Воздух теплый, земля точно дышит. Мир кажется безмерным, бесконечным, а жизнь глубокой, как океан».

Каждый раз в деревне ее ожидает одна и та же картина. Клуб. По лавкам стен — молодежь. По одну сторону — парни, по другую — девушки. Треск от орехов, дым самокруток, гармошка и

неизменная полька. За сценой в маленькой комнатке трое читают «Робинзона Крузо». Они так увлеклись, что не замечают вошедшую к ним «библиотекаршу». Она заводит с ними беседу, заходят еще ребята, просят ее привезти Пушкина, Гоголя, Шолохова, Новикова-Прибоя, свежие газеты, журналы.

Повсюду в дневнике встречаются приметы того времени. Упоминается «чистка» в партии, «союзная проверка». Она рассылает поздравительные письма своим читателям с началом работы XVII партсъезда и призывом к читателям «проработать» его материалы.

Но день ото дня жизнь Елизаветы Михайловны становится тревожнее.

Ее дневник обрывается на словах: «У меня появилась какая-то жадность к работе, к знаниям. Хочется торопиться все успеть».

С чем это связано? Елизавета Михайловна была человеком неординарным, смелым. Выступая на совещаниях, она не боялась нелицеприятных слов, говорила о том, что еще очень много в библиотечном деле рутины, что некоторые «библиотекари боятся всяких новшеств, боятся заключать соревнования, не интересуются читателем на абонементе». После ее выступлений в зале всегда «оживлялись, возмущались и даже плакали». И заметки-то в газету она пишет — о финансировании библиотек «яркие».

Немудрено, что ее неоднозначная личность вызывала к себе пристальное внимание.

«21/X-1935 г. Прошла союзную проверку, рассказала все о себе правдиво. Я не хочу ничего скрывать. И если мне скажут что либо, ну что ж — напишу свой последний счет в жизненном банке, возьму с собой надежду и... Мне будет тогда ничего не нужно и ничего не жаль. А пока...».

А пока она продолжает упорно работать, вписывая для себя «личные соображения», где на первом месте — постановка образцовой работы библиотек.

Жизнь Елизаветы Михайловны сложилась гораздо счастливее жизни ее многих сверстников... Ей была предоставлена возможность заниматься своей любимой работой. Несколько лет назад Елизавета Михайловна умерла.

На пожелтевших от времени страницах дневника немало говорится о надежде, которой всегда должен жить человек. В своей неутомимой деятельности Елизавету Михайловну всегда вел «надежды последний луч».

Т. ШИШИЛОВА.

На снимке В. Волченкова: Е. М. ГОЛЕВА в 30-е годы; командировочное удостоверение, по которому она ездила в Москву за литературой для библиотеки. На общем снимке библиотекарей тех времен известны только Е. М. Голева, В. В. Благовещенская и М. В. Юденко. Возможно, кто-то еще узнает себя на нем?